

ТОТЕМСКОЕ МУЗЕЙНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Вологодское региональное отделение
Всероссийской общественной организации
«РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО»

*Сборник посвящается 70-летию
Вологодского регионального отделения
Русского географического общества*

РУССКИЙ СЕВЕР - 2024:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО
И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

Сборник работ VIII Всероссийской научной конференции

К 1561631

Вологда
«Полиграф-Периодика»
2024

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

Васильев Николай Павлович,
член Союза российских писателей, член Союза журналистов России,
редактор литературной газеты «Графоман»,
писатель, эссеист,
д. Хозьмино, Архангельская область

«ВСЕГДА ПЕРВОЗДАННА» (НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПРЕДПОЧТЕНИЯХ РУБЦОВА)

Кого упоминает Николай Рубцов из поэтов в своей лирике? Вопрос не праздный. А ответ простой. Пять раз поэт обращается к имени Есенина. Трижды он называет имена Пушкина, Лермонтова. Однажды, в «Вечерних стихах», он объединяет их троих в одной компании: «...и, как живые, в наших разговорах // Есенин, Пушкин, Лермонтов, Вийон...» Есенину посвящено два «именных» стихотворения, Пушкину и Лермонтову по одному. Два раза всплывают имена Фета и Тютчева, есть посвящения Николаю Анциферову, Дмитрию Кедрину, не забыты Александр Блок, Велимир Хлебников, Аполлон Майков. Есть упоминание «Левого марша» Владимира Маяковского, – зачѣт и ему. По мотивам стихотворения Поля Верлена написано стихотворение... Есть Гоголь. И я подумал: а разве Гоголь не поэт? И «Мѣртвые души» он величал «поэмой». Да и в воспоминаниях Бориса Чулкова читаем: «Из прозаиков неизменно выделял и поминал лишь только Гоголя, столько же и прозаика, сколько и своеобразнейшего поэта в прозе». Достоевский «мерещится» поэту на углу (помнится, в связи с визитом к Глебу Горбовскому). «Мимо окон Эдика и Глеба» – это тоже, всего скорее, обращено к Горбовскому. И – Эдик Шнейдерман...

Возьмѣм и гениальные парафразы стихотворений Алексея Жемчужникова «Осенние журавли» (у Рубцова «Журавли») и Льва Алухтина «Огонѣк» («Русский огонѣк»). Александрю Яшину, вологжанину, старшему другу, посвящено великолепное стихотворение «Последний пароход».

Рубцов пишет предисловие к сборничку Ольги Фокиной, отмечая «органичность выражения, сложность и глубину содержания, совершенство и простоту формы». Виктор Коротаев, друг Рубцова, тоже вологодский поэт, всплывает в юмористическом экспромте... Помним мы и стихотворную эпистолярную со Станиславом Куняевым...

Что касается воспоминаний о Николае Рубцове и поэтов, что упоминаются в них, то в моём не таком уж богатом архиве чаще

всего звучит имя Блока друзьями и знакомыми Рубцова, на втором месте Фёдор Тютчев. Но я беру за одно и повторение имени, если оно в тексте одного мемуариста. Примерно одинаковое количество раз упоминаются имена Есенина, Фета. Ниже идут великие Пушкин и Лермонтов... И потом следуют Гоголь, Хлебников, Полонский, Майков, Апухтин. Из наших современников – Горбовский, Станислав Куняев, В. Соколов, А. Передреев.

Французские поэты Вийон, Бодлер, Верлен – вот и весь список зарубежных авторов.

Естественно, список гораздо шире. Входит в него, скажем, поэтическая проза Ивана Бунина. А дружба с Василием Беловым? Я абсолютно уверен, что писатель читал Рубцову и свои поэтические вещи: ведь начинал он прежде всего как поэт. Да и позже не гнушался стихотворений. И на смерть друга Василий Иванович в 1971 году написал стихотворение:

*О, как мне осилить такую беду –
Явилась и тучей нависла.
Не скроюсь нигде, никуда не уйду
От этого подлого смысла.*

Стихи и переводы Василия Белова в его семитомнике значатся ещё девяностыми годами. И из совершенно поэтической вещи писателя «На Родине» Рубцов заимствует строчку и создаёт гениальное «Тихая моя родина».

Но даже собери мы всё, что было перечитано и прожито сердцем (или отторгнуто им), книгочею покажется это малым, недостаточным, что ли.

Тут следует привести слова критика и литературоведа Вадима Кожинова: «...глубокое проникновение в классическую поэзию и подлинное овладение ею, освоение её (т.е. превращение в действительно своё достояние) и делало Николая Рубцова и его братьев настоящими людьми культуры, и не поверхностными её потребителями, способными лишь щеголять «информированностью». Чрезвычайно важные и глубокие слова для нашего разговора!

Я хочу дополнить их, немного развить мысль Кожинова.

Я знаю уже не понаслышке, а опытом жизни, встреч, что совсем не обязательно прочитать премногие тома, чтобы «стать с веком наравне». Среди моих друзей, знаменитых и не очень поэтов, были такие, которые брали из малого гораздо больше, чем я и другие из многого, или даже очень многого. Раньше с тоской неудовлет-

ворённости собой смотрел на ряды книжных полок в библиотеке (как хочется всё это знать и прочитать), а нынче думаешь, осматривая личную библиотеку, что и нужно-то тебе в ней десятка два-три по-настоящему книг.

Так вот, перечитывая строки Кожина, понимаешь, что поэт Николай Рубцов обладал уникальной восприимчивостью к текстам литературы и брал из них неизмеримо больше, чем «поверхностные потребители». Подтекст читаемого был для него настоящей вселенной. Да, Рубцов «проникал» в классическое наследие, «осваивал» его и взращивал на нём свой, совершенно неповторимый мир! При встрече со мной в Самаре поэт Евгений Чепурных говорил мне, что ему (и вообще человеку) достаточно прочитать в день одно хорошее стихотворение. Однако, слушая его, я поражаюсь его дару запоминать великие тексты, не «запоминая» их! И он мне и моим знакомым прочел наизусть поэмы «Зодчие» Кедрина, «Цыгановы» Самойлова... А его лирическое откровение в интимной беседе о книге «Роза мира» Даниила Андреева до сих пор во мне серебряными колокольчиками... Это слушаешь – как неземную музыку. Нет ей перевода.

Глубина проникновения в настоящие тексты у больших поэтов звериная, если можно так сказать, и каждое внутреннее, личное или озвученное, публичное осмысление шедевров поражает нас свежестью взгляда, самобытностью оценки.

И всё равно: читаешь лучшие стихотворения Николая Рубцова и поражаешься его единственности, непохожести его поэзии, которая «всегда целостна, всегда перевозданна» (Г. Горбовский).

Большая и малая родина в лирике Рубцова. Топос.

Поэта нет без чувства Родины. Николаю Рубцову, как никакому другому поэту после Блока и Есенина, была дана глубинная, непреходящая сопричастность Родине. Чаще всего он называл её Русь. В сборнике «Подорожники» он двадцать два раза именно так именуется Родину. И в этом снова и снова сказывается вектор его поэзии, обращённый главным образом к «достославной старине». Десять раз звучит слово «Россия». Трижды они сходятся вместе, тем самым расширяя поэтическое пространство стихотворения, его историческую глубину. Невольно оглядываешься на ближайших по времени поэтов: С. Куняева, И. Шкляревского, А. Жигулина, Н. Тряпкина, В. Соколова, Г. Горбовского... Почему (я говорю – в целом) им было не дано такое товарищеское, дружеское обнимание России? Протягивание ей братской руки – как равному! Вот

загадка величины поэта, равновеликости его Родине. Той мере доверия, когда Родина, Отчизна, Русь, Россия позволяют тебе пропеть себя, а поэт мощно ощущает в себе внутреннюю потребность (как долг) естественно, искренне обратиться к святым словам. Он чувствует скрытое, тайное обращение Родины так же примерно, как слышит пение незримого хора.

ЖИВОЙ диалог поэта и Родины. Он ведётся здесь и сейчас. Он равный. Обережная сила поэта и России взаимонаправлены. В одном случае поэт обращается к Родине за помощью («О Русь! Кого я здесь обидел?»), в другом – его слово охранительно, предупредительно («Россия, Русь! Храни себя, храни!»).

В сборнике «Подорожники» поэт более сорока раз (!) обращается к общероссийским просторам, к державным масштабам: «по всей России», «Россия, Русь – куда я ни взгляну...», «...по всей земле, по сёлам и столицам», «Широко по Руси машут птицам согласные руки», «...по холмам задремавшей Отчизны»... Эта обобщённость, обращённость к России всегда почти остро ощутима нами, если даже сама отчина и дедина никак не называется: «...перед всем старинным белым светом» (где «свет» и «Русь» звучат как контекстуальные синонимы); «Хочу запеть про горькую рябину или о чём-то русском вообще»; «Не порвать мне мучительной связи // С долгой осенью нашей земли...». А «таинственное и милое» в стихотворении «Ночь на родине»? А «Звезда полей», доросшая в душе каждого из нас до символа Родины!

И ни тени фальши ни в одном касании святого, дорогого.

Невольно думаешь: какие таинственные механизмы питают неразрывное единство поэта и Родины и – что я ещё важнее для нас, читателей! – позволяют безусловно верить им! Я думаю, что это любовь и высочайшая степень чистоты этой любви.

*Россия, Русь – куда я ни взгляну..
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шёпот их у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...*

И этой клятве веришь, и приобщаешься к этой невыразимой силе любви тоже – «до вечного покоя».

Родина поэта Николая Рубцова конкретизируется топонимически. Так она одомашнивается, утепляется: названием речек, сёл, деревень, святых мест, мест свиданий и встреч, расставаний... Так она становится ещё ближе каждому из нас. Выпестовывается единство общего и малого. Вплоть до безымянного хуторка, где живет добрый Филя, до мельничной запруды, где происходит объяснение с любимой, до, казалось бы, случайной беседки и тревожным, предгрозовым разговором с братом в ней...

Конечно, краоведами и архивистами многие топонимически безымянные стихотворения поэта разобраны по косточкам. Порой их находки углубляют наше восприятие стихотворения, добавляют в него новые краски, иногда имеют факт простой констатации. Однако любое выдающееся стихотворение всегда выше такой конкретики. И хорошо.

Так, легендарное стихотворение «Русский огонёк», конечно, значительно шире спасительного пристанища в доме Марии Ивановны Богдановой в ноябре 1963 года в Аникине Починке. Оно вобрало в себя, может быть, несколько подобных встреч. Оно сублимировало в себе и опыт русской классической поэзии, к примеру, Апухтинского «Огонька». Оно содержанием вылилось из конкретного случая силой поэтического обобщения, насытив шедевр многовековой историей России, прежде всего – трагическим опытом последней войны. Но всё это одновременно не отменяет чудотворного прикосновения к уникальному Музею одного стихотворения в деревне Аникин Починок. И первое, и второе постоянно взаимодействуют, лепя очередную чудесную мифологему.

Топос сборника «Подорожники» вбирает в себя десятки названий, имён, главным образом – Русского Севера: Вологда, Архангельск, Тотьма, Великий Устюг, Ферапонтово, Никола, Липин Бор, Сухона и Двина, Сиперово, Бобришный угор, Предтеча...

И опять же нужно сказать, что топонимы, связанные с Вологодчиной, имеют позолоту древности, сказочности. Но то же мы можем сказать и в явлениях «иногороднего»: московского Кремля, Катуня, Бии, сибирской деревни. Почти всегда обозначение топонима у Рубцова несёт шлейф культуры, оно облагорожено исторической памятью, нисходит в «достолавную старину». Является вологодский пейзаж – ему откликается слово «древнерусский», весна на берегу сибирской Бии вызывает в памяти библейские строки, вьётся дорога от Тотьмы до Великого Устюга – мерещится вокруг «сказочная глушь», Липин Бор у озера Белое – «уютный, древний». В один ряд выстраиваются «древность», «глушь», «свя-

тость здешних мест», овеянные культурной памятью. Настоящий шедевр в этом ряду «Ферапонтово» – одно из любимейших мной стихотворений.

*В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то божье в земной красоте.
И однажды возникло из грёзы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как берёзы,
Диво дивное в русской глуши!
И небесно-земной Дионисий,
Из соседних явившись земель,
Это дивное диво возвысил
До красы небывалой досель...
Неподвижно стояли деревья,
И ромашки белели во мгле,
И казалась мне эта деревня
Чем-то самым святым на земле...*

Таким образом, топос в поэзии Николая Рубцова существует как единое целое: малое питает державное, державное мягко переходит в малое (местное, родное, близкое, понятное). При этом «уменьшаясь в размерах», оно как бы одновременно централизуется, возвышается – становится осью самого важного! Деревня видится местом, где «виднее природа и люди», истоком духовного взросления, «чем-то святым». Миром, где «русский дух в веках произошёл». Миром, подарившим России, Руси – Пушкина и Кольцова, Ферапонта и Дионисия, Блока и Есенина, Левитана и Тютчева.